

ПОНЯТИЕ «НАРОДНОСТИ» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 20-х – 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА¹

Понятие «народности» становится одним из ключевых в русской общественной мысли в 20-х годах XIX века, вытесняя понятие «нации». Официальная идеология заимствует выработанное в публицистике понятие, используя его неопределенность и размытость. Славянофильство первоначально опирается на общераспространенное понятие народности, однако в начале 60-х годов (одновременно с публицистикой Каткова) переинтерпретирует «народность», превращая его в синоним «нации».

Ключевые слова: славянофильство, национальный проект, империя, национальное сознание, конструирование наций.

Keywords: Slavophilism, national project, empire, national consciousness, construction of nations.

Понятие «народность» входит в активное употребление в русской публицистике в начале XIX века – однако наибольшее распространение и смысловую нагруженность оно получает с 1820-х годов. До этого момента преобладающим по определенности понятием выступает «нация». Анализируя данный понятийный сдвиг, А.И. Миллер отмечает: «Вытеснение из официального дискурса понятия *нация* было прежде всего вызвано его неразрывной связью с конституцией, национальным представительством и надсословностью. Цензура преследует понятие *нация*, что можно хорошо видеть на примере печальной судьбы статей Белинского, где он пытался коснуться этих вопросов даже в весьма завуалированной форме» [17, 57 – 58]. Понятие «народности», куда менее определенное и лишенное гражданских коннотаций, напротив, получает широкое распространение, в частности именно за счет относительной неопределенности вкладываемых в него смыслов. Показательны повторяющиеся на протяжении 20-х – начала 30-х годов журнальные споры о «народности» – в первую очередь о народности в литературе. Так, например, в 1825 г. Н.А. Полевой утверждал «народность» первой главы «Евгения Онегина», аргументируя свое заключение следующим образом: «Мы слышим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды...» [10, 49]. Д.В. Веневитинов оспаривал этот взгляд, утверждая: «Я не знаю, что тут народного... и во Франции и в Англии пробки хлопают в потолок... Приписывать Пушкину лишнее – значит отнимать у него то, что истинно ему принадлежит. В “Руслане и Людмиле” он доказал нам, что может быть поэтом национальным» [цит. по: 9, 27]. Когда подобное суждение дало Полевому повод упрекать оппонента в отождествлении «народного» с «простонародным», Веневитинов отвечал: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. (как остроумно думает г. Полевой), но и не в том, где ее ищет издатель “Телеграфа” [то есть не в прозаически-будничном изображении быта – прим. Ю.В. Манна]. Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенно стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера» [9, 28]. Другой образчик острого столкновения мнений о понятии «народности» представляют отзывы на первую публикацию «Вечеров на хуторе...» (осень 1831 г.). Так, рецензент «Северной Пчелы» В. Ушаков отмечал народность рассказов Рудого Паньки, лучшие из которых отличает «пергаментная простота, от которой *так уклонились мы...*» [цит. по: 8, 243]. Комментируя данный фрагмент, Ю.В. Манн отмечает: «Последние слова – ключ к проблеме. По представлениям того времени, русское относится к украинскому не как изначально

вненародное к изначально народному, а как нечто, утратившее народность, к обществу, которое ее сохранило» [8, 243].

Уже на основании представленных примеров можно отчетливо увидеть новое содержание, отделяющее понятие «народности» от «нации» – если содержание последнего увязывалось с проблематикой гражданства, с комплексом представлений, восходящих к политической философии XVIII века, то «народность» выступала понятием романтического ряда, отсылая к «традиции», «духу народа» в смысле Гердера, противостоящему рационально воспринимаемой конструкции Монтескье [см.: 14]. К середине 1820-х годов² понятие народности в указанном смысле уже становится настолько общераспространенным, что отсылка к нему используется в манифесте 13 июля 1826 г., изданном сразу после казни декабристов: «Все состояния да соединяться в доверии к правительству. В государстве, где любовь к монархам и преданность к престолу основаны на *природных свойствах народа* [выд. нами – *А.Т.*], где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злоумышленных. ... Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления» [11, 133 – 134]³.

Одновременная внутренняя неопределенность и распространенность понятия «народности» обусловили его привлекательность для использования в рамках идеологического оформления трансформирующейся Российской Империи. Если романтические истоки уваровской триады подробно проанализированы в исследовании А.Л. Зорина [см.: 7, 339 – 374], то американский биограф С.С. Уварова, Ц. Виттекер обращает внимание на иные элементы, задействованные Уваровым в истолковании понятия «народности»: «Вместо того, чтобы через народ одухотворять понятие народности, относиться к народу как к активному носителю определенных черт, которые должны отражаться в характере государства, Уваров, наоборот, считал, что всевидящее прозорливое государство должно само все решать, всем руководить и насаждать “истинные” национальные ценности среди пассивного и уступчивого населения. Словом, в его концепции народности не нашлось места созидательному участию самого народа, что лишало ее привлекательности и живости, свойственных теориям романтиков» [6, 125]. А.Л. Зорин пишет: «Определив православие и самодержавие через народность, Уваров [...] определяет народность через православие и самодержавие. В формальной логике такая фигура называется порочным кругом, но идеология строится по качественно иным законам, и рискованный риторический пируэт оказывается несущей основой всей конструкции новой официальной доктрины» [7, 366], поскольку «основной народности оказываются убеждения. Проще говоря, русский человек – это тот, кто верит в свою церковь и своего государя» [7, 365 – 366]. «Народность» в данном случае оказывается принципиально лишеной субъектности – «народ» раскрывается как объект властного воздействия, субстрат власти, а не субъект, определяемый через понятие «нации».

Славянофильская интерпретация «народности» первоначально в одном существенном пункте совпадает с доктриной «официальной народности» – народность отождествляет с «простым народом»⁴, а русский народ мыслится как «негосударственный» [16, 156 – 158]. Противопоставление истинного «народа» и «публики», которую можно ложно принять за народ – ключевой тезис политической доктрины славянофильства, оформившейся на рубеже 1840-х – 1850-х годов и выраженный в скандальной статье К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ» [5, 237 – 238]. В 1860-е годы, однако, понимание славянофилами «народности» качественным образом трансформируется в именно в отношении субъектности. Впервые данный смысловой сдвиг отчетливо зафиксировал и проанализировал Н.И. Цимбаев, указав на своеобразие и оригинальное общественно-политическое значение «социологической концепции И.С. Аксакова» [15, 177 – 190]. Вместо двухчленной модели К.С. Аксакова (народ – государство), где государство выступает активным началом, носителем формы и

внешнего действия, И.С. Аксаков формулирует трехчленную модель: *народ – общество – государство*⁵ [см.: 13]. Народ есть некая изначальная данность, из которой развивается всякая историческая жизнь: «...В тесном смысле... народом называется *простой* народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной и, как зерно, сосредотачивает в себе всю органическую силу, все развитие организма. В самом деле: как семя хранит в себе всю будущность дерева, с красотой, шумом и зеленью листьев, – и дерева именно этого, а не какого-либо другого, так что семя дуба родит дуб, а не березу, – так и народ, в тесном смысле, хранит в себе всю будущность предстоящего ему подвига, развития своей духовной особенности, своего типа» [2, 137]. Народ, согласно И.С. Аксакову, бессознателен, безличностен: «это – общность или цельность, в которой *поглощается личность*; это особый, своеобразный организм, с органическим ростом, развитием и отправлениями, не поддающимся никакому исследованию; это цельная-то коллективная единица или лицо, живущее не только в пространстве, но и в веках, руководимое коллективным преданием и обычаем, коллективным разумом, который, в отдельных единицах, народ составляющих, проявляется в виде повелительного инстинкта» [4, 737 – 738]. Жизнь народа, по выражению И.С. Аксакова, есть «жизнь *непосредственная*. Работа же *личного сознания* принадлежит лишь тем народным единицам, которые из среды стихийной выделились трудом мысли и образования...» [3, 272]. Напротив, «общество» понимается И.С. Аксаковым как обладающее самосознание, субъектность: «Общество (при нормальном отношении к своей народной основе) есть народ на второй, высшей ступени развития, народ, выделившийся в *единицы*. Оно призвано – путем личной сознательной, единичной деятельности – вырабатывать инстинктивное и стихийное начало, живущее в народе, непосредственную силу его духа – до степени самосознания...» [4, 495]. Именно «общества» не хватает России – ей не хватает адекватного самосознания, понимания самой себя: «Проснуться, ее, *эту* силу, вызвать, ею поработать, ее созидать – вот к чему мы должны стремиться, все, всем обществом, от мала до велика, вот в чем наше спасение и охрана, вот единственное условие нашего спасения и преуспевания!...» [2, 135]. В отсутствие общества, при его неспособности или слабости, разрушается народная жизнь – и разрушает ее то самое государство, что было создано народом для своей охраны. Внешняя форма, в отсутствие сопротивления, в отсутствие сознательной внутренней жизни, начинает проникать вглубь, стягивая народное тело, либо же, затвердевая, образует собой панцирь, внешне прочный, но не дающий дышать тому живому телу, что в нем заключено. Государство в данном случае действует в силу своего естества, более того, в силу самих органических потребностей народа – ведь в отсутствие общества, в отсутствие деятельного самосознания народные потребности никуда не исчезают, а удовлетворить их может только внешняя сила (при отсутствии силы внутренней). Государство разрастается, вынужденное подменять собой отсутствующее общество, но, укрепляясь, оно тем самым, во всяком случае, затрудняет обществу возможность развиваться – жизнь общественная оказывается уже заключенной во внешнюю форму, чуждую органической жизни. Но подобное разрастание государства, вызванное слабостью общества или неспособностью его к нормальному развитию, в свою очередь в конечном счете вредно и для государства: «...Там, где нет общества, государство рано или поздно оказывается несостоятельным. Оно ощущает для своих действий потребность в *сознательной* опоре народной, которой не может дать народ, находящийся на ступени непосредственного бытия; потребность в проверке и критике, в том разуме народном, который выражается в постоянной деятельности общественной...» [2, 149]. Тем самым в рамках славянофильской доктрины 1860-х годов происходит процесс, аналогичный трансформации понятия «народности» в идеологической концепции М.Н. Каткова. А.И. Миллер в отношении Каткова отмечает: «Во многом именно его усилиями была произведена “перезагрузка” понятия *народность*, которое снова становится синонимом *нации*. Впоследствии этот “джентльменский” набор современной идеологии, характерный для всех имперских центров Европы, мы найдем уже у

многих либералов, включая П.Б. Струве» [17, 61]. На основании вышеизложенного следует, на наш взгляд, признать, что значительный вклад в «перезагрузку» понятия «народности» внесли и славянофилы 1860-х годов, в первую очередь И.С. Аксаков, увязав его с понятиями, родственными современным понятиям «политического» и «гражданского общества».

Библиографический список

1. [Аксаков, И.С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. I: Учебные и служебные годы. Т. 2: Письма 1848 – 1852 годов / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. – 409 + 56 с.
2. Аксаков, И.С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вст. ст. В.Н. Грекова; прим. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1008 с. (Серия «Из истории отечественной философской мысли»)
3. [Аксаков, И.С.] Сочинения И.С. Аксакова. Т. I: Славянский вопрос. 1860 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К^о), 1886. – VII+791.
4. [Аксаков, И.С.] Сочинения И.С. Аксакова. Т. IV: Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси» и три статьи, вышедшие отдельно / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К^о), 1886. – VII+770.
5. Аксаков, К.С. Государство и народ / Сост. и коммент. А.В. Белова, пред. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 608 с.
6. Виттекер, Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время / Пер.с англ. Н.Л. Лужецкой. – СПб.: Академический проект, 1999. – 350 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 22)
7. Зорин, А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.
8. Манн, Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809 – 1845 / Ю.В. Манн. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 813 с.
9. Манн, Ю.В. Русская философская эстетика (1820 – 1830-е годы) / Ю.В. Манн. – М.: Искусство, 1969. – 304 с.
10. Московский Телеграф, 1825, № 5.
11. Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 528 с.
12. Парсамов, В.С. Декабристы и Франция / В.С. Парсамов. – М.: РГГУ, 2010. – 432 с.
13. Тесля, А.А. Народ, государство и общество: социально-политические воззрения И.С. Аксакова / А.А. Тесля // [\[http://www.hrono.info/libris/lib_a/tes_aksak.html\]](http://www.hrono.info/libris/lib_a/tes_aksak.html)
14. Тесля, А.А. Понятие «нации» и «народности» в государственной идеологии конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. в связи с «польским вопросом» // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. / под ред. проф. Н.Т. Кудиновой. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2010. – Вып. 4. – С. 3 – 12.
15. Цимбаев, Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 264 с.
16. Цимбаев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.
17. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.

² Начало смыслового сдвига от понятия «нация» к понятию «народности» приходится на эпоху наполеоновских войн – показательная в данном отношении публицистика С.Н. Глинки.

Любопытный материал дает, в частности, проанализированный В.С. Парсамовым дневник А.В. Чичерина – молодого офицера, погибшего в Кульмском сражении. Если традиционной для того времени была антитеза «варварство - цивилизация», то «во время нашествия Наполеона эта антитеза оказалась перевернутой, и русская пропаганда стала называть *варварами* французов. Однако Россия при этом ассоциировалась не с цивилизацией, а с православием. Противопоставление *варварство – православие* придавало этой перевернутой антитезе сильный эмоциональный накал (“Я дрожал, – пишет Чичерин, – при мысли о священных алтарях Кремля, оскверняемых руками варваров”)...» [12, 14]. Изменение второго члена антитезы переводит ситуацию из универсалистского плана в партикулярное измерение становящейся романтической культуры.

³ В манифесте используется и характерное для романтического консерватизма противопоставление истинного и ложного просвещения, получившее популярность еще в рамках консервативных памфлетов 1790-х годов, осмыслявших идеологические истоки французской революции: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздности телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать то своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель» [11, 133].

⁴ В передовой статье газеты «Москва» от 7 июня 1857 г. (№ 9) К.С. Аксаков писал: «...Просто народ, точно, есть *просто народ*, или народ собственно. Слово “народ” употребляется в двояком смысле: или оно означает всех, в союзе народном живущих, без различия сословий, и в таком случае более соответствует слову “нация”; или же оно означает простой народ, низшее сословие, которое есть народ собственно. [...] Итак, у простого народа нет никаких отличий или титулов, кроме звания человеческого или христианского. [...] Нося звание только человека, только христианина, он с этой стороны есть идеал для всего человеческого и христианского общества. [...] У нас значение простого народа имеет свою особую сторону, ибо *он только и сохраняет в себе народные, истинные основы России* [выд. нами – А.Т.]...» [5, 208 – 209].

⁵ И.С. Аксакову и ранее был присущ более дифференцирующий взгляд на народ, по сравнению с братом. Уже в конце 40-х – начале 50-х годов Аксаков интересуется купечеством, видя в нем общественную группу, не отождествляемую (по терминологии брата) ни с «публикой», ни с «народом» («простым народом»). Так, в письме родным от 26 февраля 1850 г. из Ярославля, описывая организацию ремесла у мещан, он с подспудным раздражением отмечал (осознавая отсутствие интереса в его семье к подобному рода вопросам): «Впрочем, напрасно я Вас утомляю этим несколько не занимательным для Вас предметом. А между тем вопросы эти, как и все торговые и другие, заключающие все условия существования, имеют огромную важность и влияние на характер и нравственность народа!.. Покуда мы гуляем в отвлеченности, у нас образуется *tiers etet* – почетное гражданство, которого так жадно добиваются купцы и которого существование мы, говоря модно ученым языком, игнорируем» [1, 295]. Еще больший интерес вызывает письмо к Константину, после поездки последнего в Ярославль: «Я рад, что ты признал важность значения купцов и вместе с тем, вероятно, важность практических вопросов жизни. Но странны мне слова, где ты предлагаешь мне согласиться, что купец не чужд народу... Разве я это отрицал когда-нибудь? Я говорил только, что этот близкий народу человек, не вооруженный сознанием, податливее на обольщения Петровского переворота, менее благонадежен, чем тот, кто уже совершил путь отрицания. Ив. Ал. Куликов, менее русский, не так прочен, как Попов, Серебренников и другие. Кстати, ты не уверяешь ли других, что Попов ходит в русской одежде, не заказывает платья у французского портного? Попов совершил точно такой путь отрицания, как и мы; к тому же он человек с образованием, читающий все журналы и Английские романы, а не предоставленный собственным силам. Следовательно, приведенный тобою пример сюда не идет, а доказывает только мою мысль о том, что необходимо и необходимо образование и что оно только, вооружая человека мыслью и сознанием, способно и исправить человека и остановить его на полугоре...» [1, 307 – 308].